

Однако архиепископ чувствовал, что здесь ему придется встретить жестокое сопротивление. Он принял бесстрашный вид и, перебирая четки, молча внимал словам шамбеллана.

Шамбеллан между тем говорил развязно и резко. Циничные ругательства срывались с его уст. Под конец даже вся показная важность слетела, и он превратился в грубого горлопана, настоящего рыночного торговца.

Что они, спятили с ума или белены объелись? Какая-то ошалелая деревенская дурсха всех водит за нос! Созывают совет, ищут решения. А решение может быть только одно. Неужели король не понимает, что этот непристойный балаган следует немедленно прекратить? Плохо уже то, что ей разрешили приехать сюда из Вокулёра. Он, де Тремуйль, полагает, что блажную следовало бы затравить собаками или же отдать на потеху солдатам. Во всяком случае, король ни при каких обстоятельствах не должен ее принимать.

Распалившийся временщик имел свои основания возмущаться. Он был доволен настоящим и не стремился к переменам. Мысль о возможных победах королевских войск была ему неприятна. И правда, пока все висело на волоске, король был в его руках, а вместе с королем и его земли и его авторитет. Необходимо было и впредь поддерживать эту политику «равновесия». Чем дольше она продержится, тем лучше. Поэтому-то разговоры о Деве, об Орлеане и коронации приводили Тремуйля в столь сильную ярость.

Король, струхнувший от слов своего любимца, совершенно утонул в кресле и робко скосил глаза на архиепископа. Уловив его взгляд, канцлер заговорил. Его физиономия осветилась приторной улыбкой, когда он кивнул в сторону шамбеллана.

— Да, сир де Тремуйль, конечно, прав, прав, как всегда. Все это возмутительная, неслыханная дерзость. Мало вероятия, чтобы девчонка оказалась святой. Скорее всего, она орудие дьявола. Однако, — тут монсеньер Реньо выразительно помолчал, — од-